

Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия

Кугай Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор философских наук, профессор
Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена экстремизму, исследованию его природы, симптоматики и опыту противодействия. Для экстремиста не существует многообразного мира. Это — субъект с максимально суженным мировоззрением, одержимый одной идентичностью. У него беспощадное и злое отношение ко всему и всем, кроме одного. Он верит в то, что есть единое, которое спасает, все же остальное — губит. Поэтому необходимо целиком отдаться этому единому и беспощадно истреблять все остальное, весь множественный мир, грозящий гибелью. Экстремист всегда в образе: а) в маске, в которую он облачился («исконный фанатик») — «вождя», «носителя истины», «совести нации», «носителя подлинной веры» и т. п., либо в маске, в которую его облачили («индуцированный фанатик») — «суперэтноса», «мстителя», «гегемона/господствующего класса», «революционера», «бойца», «солдата», «шахида», «русского» и т. п.; б) в маске, снимающей боль и ответственность; ведь проще нацепить чужую маску, чем искать свое истинное лицо. Экстремизм продуцируют стремление к признанию, зависть, безоглядная уверенность в своей правоте. В статье рассматриваются технологии противодействия экстремизму в Саудовской Аравии — стране, имеющей самый низкий уровень рецидивности экстремистской деятельности. Для преодоления вражды и недоверия мы должны не только согласиться с определенной утратой идентичности, но и научиться жить в калейдоскопе идентичностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экстремизм, маски экстремизма, симптоматика экстремизма, зависть, кризис идентичности, опыт противодействия экстремизму

Kugay A. I.

Extremism: Nature, Symptoms, Experience and Conditions of Counteraction

Kugay Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to extremism, the study of its nature, symptoms and experience of counteraction. For the extremist does not exist diverse world. This is the subject with the most narrow minded, obsessed with one identity. He is ruthless and malevolent attitude towards everything and everyone except one. He believes that is the one that saves, but all the other kills. It is therefore necessary to devote oneself completely to this one and mercilessly destroy everything else, the whole multiple world that threaten. Extremist always in the way: a) in the mask, in which he clothed himself ("native fanatic") — "leader", "truth-bearer", "the conscience of the nation", "media genuine faith", etc. or in the mask, in which it is clothed ("induced fanatic") — "superethnos", "avenger", "hegemonic/dominant class", "revolutionary", "soldier", "soldier", "Shahid", "Russian", etc.; b) in the mask, relieves pain and responsibility; it is easier to pick up someone else's mask, than to find his true face. Extremism produce the desire for recognition, envy, reckless self-righteousness. The article discusses the technology of combating extremism in Saudi Arabia — the country with the

lowest level of recidivist extremist activity. To overcome the enmity and distrust, we must not only accept a certain loss of identity, but also to learn to live in a kaleidoscope of identities.

KEYWORDS

extremism, masks extremism, symptoms of extremism, envy, crisis of identity, the experience of combating extremism

Природа экстремизма

Что побуждает смертника взорвать себя, чтобы разорвать на куски как можно больше «неверных»? Что заставляет эмоциональных подростков одним ударом разрушить многообещающие перспективы и стать террористами? Что стоит за повсеместно распространенной склонностью человека создавать образ врага? Почему целые группы воспринимают мир с позиций расовых, религиозных или национальных признаков как олицетворение зла? Гнездом этих явлений является радикализм, доведенный до фанатизма, откуда, словно коршуны, в поисках жертвы вылетают ожесточенные хищники.

Какова этиология столь опасного социального явления, воплощающегося в различных формах экстремизма?

В 2010 г. в русском переводе вышла книга известного немецкого психоаналитика Петера Конца, представляющая собой фундаментальное исследование психоаналитических оснований фанатизма [3]. Именно психоаналитический метод, ориентированный на отображение скрытых, бессознательных и подсознательных оснований человеческой жизни, является наиболее эффективным для отображения феномена фанатизма во всем многообразии его проявлений. Показательным в этом смысле является утверждение Н. Бердяева: «Человек, допустивший себя до одержимости идеей мировой опасности и мирового заговора масонов, евреев, иезуитов, большевиков или оккультного общества убийц, — перестает верить в Божью силу, в силу истины и полагается лишь на собственные насилия, жестокости и убийства. Такой человек есть, в сущности, предмет психопатологии и психоанализа» [1].

Природу самых разнообразных по содержанию и форме, целям и типам проявлений фанатизма автор усматривает в *кризисе идентичности*. «Лично я, — резюмирует Петер Концен, — определяю фанатизм как страстные убеждения, основанные на страхе потерять свою идентичность, за которые настойчиво, нетерпимо, а подчас жестоко ведется непримиримая, основанная на ненависти к врагам, борьба» [3, с. 39]. Страх утраты индивидуальной или коллективной идентичности порождает эндогенную ненависть, демонизированных врагов, экстремистские идеологии и организации.

Читая эту книгу, вспоминаются впечатления от германской экспозиции «Мир глазами умалишенного», представленной в Русском музее Санкт-Петербурга в конце 90-х. На картинах больные шизофренией вместо лиц изображали маски. Дело здесь в том, что проблема идентичности на индивидуальном уровне выступает как проблема отождествления, идентификации двух сторон личности: «я» и «самости», взаимодействие между которыми складывается отнюдь не просто. Однако здоровый человек все же не утрачивает связь со своей самостью, субъективностью и телом. Патология же связана с рассогласованием между индивидуумом и его самостью. Тело шизофреника есть тело-чемодан, его содержание определяется внешней средой, с которой он взаимодействует. Это связано с тем, что шизофреник обладает зеркально интервентируемой структурой обладания: не он обладает миром, но нечто обладает им. Поэтому жизнь психически больного человека героическая. Отсюда характерные имена, с которыми он себя идентифицирует: Пугачев, Напо-

леон, Маршал, Фараон и т. п. Все это симптомы тяжелейшего душевно-духовного кризиса индивидуальной идентификации. Однако шизоидные процессы рассогласования между «я» и «самостью» могут обретать и параноидальные инвестиции, охватывая как отдельных людей, так целые народы. Самость «выметается», заряжается параноидальными импульсами экстремистской идеологии, толкающей на путь суицидального фанатизма, методичного уничтожения «дьявольской нечисти» [9].

Для фанатика не существует многообразного мира. Это — субъект с максимально суженным мировоззрением, одержимый одной идентичностью. У него беспощадное и злое отношение ко всему и всем кроме одного. Фанатик верит в то, что есть единое, которое спасает, все же остальное — губит. Поэтому необходимо целиком отдаться этому единому и беспощадно истреблять все остальное, весь множественный мир, грозящий гибелью [10].

Экстремист всегда в образе: а) в маске, в которую он облачился («исконный фанатик») — «вождя», «носителя истины», «совести нации», «носителя подлинной веры» и т. п., либо в маске, в которую его облачили («индуцированный фанатик») — «суперэтноса», «мстителя», «гегемона/господствующего класса», «революционера», «бойца», «солдата», «шахида», «русского» и т. п.; б) в маске, снимающей боль и ответственность; ведь проще нацепить чужую маску, чем искать свое истинное лицо.

Как говорится, золотая маска скрывает все недостатки: «Скрыв гадкий замысел под сладкой маской, зло величает мудростью коварство». Чешский проповедник Ян Гус, сожженный в огне инквизиции, во время казни, заметив старушку, подбрасывающую хворост в его костер, воскликнул: «Святая простота!» — имея в виду, что старушка думала, что совершает богоугодное дело исцеления от скверны. И в этом смысле институт инквизиции был не столько репрессивным, сколько лечебно-терапевтическим институтом. Инквизиторы искренне полагали, что исцеляют людей от греховности.

Есть понятный каждому человеку модус бытия, определяющий смысл его жизни. Его суть — в признании. Основатель экзистенциализма Серен Кьеркегор несчастнейшим полагал человека, не нашедшего признания ни в настоящем, ни в прошлом, ни в будущем [6]. Отсюда, природа экстремизма — каинова, она обусловлена поиском признания своей самости. Первым знаковым экстремистом был Герострат — молодой житель Эфеса, который сжег храм Артемиды в своем родном городе в 356 до н. э., для того, чтобы, как он сознался во время пытки, его имя помнили потомки. Когда мы говорим об экстремизме, не надо забывать, что у каждого экстремиста есть некий комплекс Герострата.

Экстремизм продуцируется стремлением к буквальному равенству. На языке философии такая жизненная установка представлена в понятии *ressentiment*, введенном в оборот Ф. Ницше. *Ressentiment* — справедливость как равенство — основывается на зависти — на зависти к Другому, который имеет то, чего нет у нас, и который наслаждается этим. Отсюда, «проблема фундаменталистов не в том, что мы считаем, что они хуже нас, а скорее в том, что они втайне сами так считают» [84; с. 27]. Логику *ressentiment* воспроизводит анекдот о словенском крестьянине, которому добрая волшебница предлагает выбор: она либо даст ему одну корову, а его соседу две; либо заберет у него одну корову, а у его соседа — две, — крестьянин, не задумываясь, выбирает второе. В более жуткой версии волшебница говорит ему: «Я сделаю все, что ты хочешь, но предупреждаю, что твоему соседу достанется вдвое больше!» Хитро улыбаясь, крестьянин отвечает: «Выколи мне глаз!»

Extreme — (слов.) — крайность. Человек — по своей природе экстремальное, азартное существо (американские горки, казино, спорт, армия и бизнес). Бросить себя на карту, на край существования («Кто не рискует, тот не пьет шампанское!») — удел наиболее пассионарных. В этом смысле Сократ и Джордано Бруно, радикально из-

менившие ценой своей жизни мировоззренческие установки не только современников, но и последующих поколений, были экстремалами. Очевидно, наиболее знаковым экстремалом являлся Иисус. В то же время, не следует отождествлять экстремала с экстремистом. Граница между ними — в том, кто ставится на край существования: экстремал рискует собой, экстремист — окружающими его людьми. Экстремизм — есть выражение нетерпимости существования другого. Как социальное действие экстремизм находит свое воплощение в актах насилия, либо угрозе его применения на основе этнической, религиозной, идеологической неприязни.

Симптоматика экстремизма

Американский исследователь-социолог Лейард Уилкокс (Laird Wilcox) определил экстремизм по характерным *симптоматическим* признакам¹. По мнению социолога, чем больше этих признаков наблюдается у рассматриваемого субъекта, и чем заметней они, тем с большей вероятностью можно утверждать, что наблюдаемый субъект есть экстремист. В трактовке автора эти признаки следующие².

1. Безответственные обобщения.
2. Постановка знака равенства между «похожестью» и «идентичностью».
3. Переход на личности. Экстремисты всегда быстро переходят от обсуждения фактов к обсуждению личностей, вовлеченных в процесс.
4. Манипулирование логикой доказательств. Выдача желаемого за действительное, подмена корреляционных зависимостей причинно-следственными связями и т. п.
5. Приклеивание ярлыков. Сознательный уход от использования «нейтральных терминов» к злоупотреблению эпитетами.
6. Тенденция видеть зло в оппонентах и их критике. Оппоненты всегда по определению люди плохие, нечестные, аморальные и т. д.
7. Применение двойных стандартов. Экстремисты всегда считают неотъемлемым свое право на доверие и никогда не дают такого оппонентам.
8. Поляризация принадлежности субъектов к «своим» и «чужим» без возможности занять промежуточную, или нейтральную, позицию.
9. Использование лоббирования для лишения оппонентов права слова и права доступа к СМИ.
10. Определение своей позиции не через формулирование ее принципов, а через идентификацию своих врагов.
11. Мышление в рамках модели приближающегося апокалипсиса, например, «не поддерживайте меня, завтра кругом будут одни...».
12. Использование запугивающих аргументов, например «хотите помочь дьяволу, тогда голосуйте за...»;
13. Постоянное использование лозунгов и идеологических клише вместо реального разъяснения сути явлений.
14. Предположение о своей духовной и моральной исключительности и превосходстве.
15. Изначальная готовность использовать принцип «цель оправдывает средства».
16. Ориентация на эмоциональное восприятие идей обществом, подмена разъяснений пропагандой (первое — «как думать», а вторая — «что думать»).
17. Повышенная подозрительность, гипертрофированная «бдительность» и мнительность по отношению к происходящему.

¹ Laird Wilcox, Hoaxer Project Report, 1991, Publisher: L. Wilcox Editorial Research Service, ISBN: 9789992173374. P. 39–41 [Electronic resource]. URL: <http://www.lairdwilcox.com/index.html> (дата обращения: 25.12.2014).

² [Ibid.].

18. Апелляция к сверхъестественным силам и знаниям, злоупотребление понятием «вера».
19. Экстремисты считают, что если они проигрывают, то во всем виновата система.
20. Маниакальная нетерпимость неопределенностей, желание все явления, несущие в себе риски изменений, зарегулировать той или иной нормой.
21. Склонность к закрытому групповому мышлению. Обсуждение тем с собой подобными, чтение книг, читаемых окружением и т. п.
22. Персонализация угрозы и врагов, радость от неудач конкретных людей, отстаивающих противоположные взгляды.

В современном мире источником экстремизма является монополия на истину. Монополия на истину, неприемлемая в науке, наиболее опасна в человеческих отношениях. В ценностном мире истина — пружина, запускающая механизм насилия. Людям было бы просто лень непрерывно прибегать к системному насилию, не говоря уже о том, что это мероприятие рискованное, если бы они не были абсолютно уверены в своей правоте [4, с. 36–53]. Тот, кто полагает, что обладает знанием абсолютной истины, решительно действует от ее имени, сметая все на своем пути [5]. Герои произведений Андрея Платонова — не сомневающиеся в своей правоте «евнухи души»: Копенкин на лошади Пролетарская сила, с Лениным в башке, в сердце с Розой Люксембург, крушил белогвардейцам головы с таким хладнокровием, с каким баба полет просо [7].

Механизм деструктивного действия состоит том, что абсолютная уверенность в своей правоте, неприятие иных представлений о жизни (что является верным признаком духовно-нравственного бессилия), высвобождает силы агрессии, которые утверждают в качестве универсальных собственные ценности, посредством отрицания иных.

Опыт противодействия экстремизму

Международное сообщество отрицает экстремизм и терроризм как средство для достижения каких бы то ни было политических целей. Борьба с этими явлениями провозглашена Организацией Объединенных Наций одной из приоритетных задач своей деятельности. Основными направлениями усилий, предпринимаемых для противодействия политическому радикальному экстремизму, являются: создание международной и национальной правовой базы, формирование мощных антитеррористических центров и привлечение вооруженных сил для борьбы с экстремизмом, а также оздоровление социально-экономической обстановки в странах и регионах, являющихся источниками вооруженных конфликтов¹.

Международные эксперты сходятся во мнении, что залог успеха в борьбе с экстремизмом лежит в комплексности парадигм и программ противостояния ему. В прессе можно найти множество примеров успешных действий по ликвидации как экстремистских проявлений, так и причин, к ним приводящих. Общим недостатком большинства подобных «победных фанфар» является их фрагментарность и отсутствие независимой информации о действенности предпринимаемых мер в средне- и долгосрочной перспективе.

Обратимся к отчету Рабочей группы Вашингтонского института изучения мира на Ближнем Востоке, организованной под эгидой Президентской группы по изучению проблем Ближнего Востока².

¹ Международная организация UNICRI под эгидой ООН [Electronic resource]. URL: <http://www.un.org/terrorism/UNICRI-Counter-Terrorism.shtml> (дата обращения: 25.12.2014).

² The Washington Institute for Near East Policy Rewriting the Narrative // An Integrated Strategy for Counterradicalization. — Washington DC : [s.n.], 2009. [Electronic resource]. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/templateC04.php?CID=311>; (дата обращения: 25.12.2014).

В качестве наиболее хорошо описанной и доказавшей свою эффективность (по крайней мере, в краткосрочной перспективе) модели противостояния экстремизму, обратимся к государственной программе Саудовской Аравии под названием «PRAC»¹.

Выбор этот объясняется следующими обстоятельствами:

- фокус на одном из самых радикализованных регионов мира;
- применимость результатов исследования к ситуации в Российской Федерации;
- применимость результатов исследования к другим формам экстремистских идеологий.

Рабочая группа называется «Task Force on Confronting the Ideology of Radical Extremism» и целью ее работы являлась выработка рекомендаций администрации президента Обамы по проблеме противодействия радикальному экстремизму. При проведении исследований эксперты рабочей группы обобщили, в том числе, и наработанный международный опыт в этой сфере, а репрезентативность участвующих в рабочей группе экспертов — дипломатов, ученых, законодателей, представителей разведывательных ведомств и т. п. делает ее выводы весомыми.

Основной вызов стабильности на Ближнем Востоке, по мнению экспертов рабочей группы, исходит от радикального исламского экстремизма (а точнее фундаментализма), который под идеологическим лидерством Аль-Каеды проповедует идею объединения исламского мира на непримиримую войну с США и другими «неверными» (в ряды которых в явном виде записана и Российская Федерация), противостоящими образованию всемирного исламского халифата, живущего по законам шариата. По мнению экспертов рабочей группы, в деле противостояния радикальному исламскому фундаментализму особого внимания заслуживает опыт Саудовской Аравии и Сингапура.

Изучение информации о проекте «PRAC» Саудовской Аравии дает немало идей, достойных более широкого международного применения. Говоря о его эффективности, отмечается наименьший из имеющихся в мире коэффициент рецидивности — всего 1–2%. Такой уровень возврата к преступной деятельности создает критическую проблему для экстремистских организаций, испытывающих в последнее время серьезный «кадровый голод».

По сути, программа сводится к многофакторному и многофазному противостоянию крайним религиозным взглядам, от этапа их появления до этапа социальной реабилитации их носителей, преступивших закон, претворяя эти идеи в жизнь. PRAC расшифровывается как Prevention, Rehabilitation and After Care (предупреждение, социальная реабилитация и забота об оступившихся). Ее особенностью является межведомственный и общегосударственный подход к борьбе со столь опасным социально-политическим явлением, как радикальный религиозный экстремизм. Отчасти такая комплексность достигается «административным ресурсом» монархии, заинтересованной в сохранении идеологического лидерства в стране, но вместе с тем она успешно использует элементы межведомственной составляющей — кто больше сделал для борьбы с экстремизмом. Основные компоненты этой программы следующие.

Предупреждение. Деятельность государственных органов Саудовской Аравии по предупреждению экстремистских проявлений реализуется как активной пропагандой опасности экстремизма, так и предложением гражданам альтернативной (официальной) точки зрения по вопросам религиозных догматов. Проанализировав основной сегмент «кадрового резерва» экстремистов и каналы вербовки новых

¹ Boucek Christopher. Carnegie Papers. Saudi Arabia's "Soft" Counterterrorism Strategy: Prevention, Rehabilitation, and Aftercare. — Washington DC : Carnegie Endowment for International Peace, 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.carnegieendowment.org/publications/?fa=view&id=22155> (дата обращения: 25.12.2014).

членов (молодежь в свободное от учебы время), министерство образования инициировало программы по качественному улучшению возможностей досуга молодежи — спортивные соревнования, экскурсии, походы и т. п. Министерство культуры и информации развернуло в СМИ разъяснительную кампанию об опасности экстремизма, а министерство по исламским делам привлекло священнослужителей к работе с верующими, организовав в мечетях проповеди уважаемых имамов, разъезжавших по стране.

Основной задачей, поставленной перед «молодежным» направлением предупреждения, было обеспечение максимальной вовлеченности подрастающего поколения в антиэкстремистские программы. Это достигалось, в том числе, участием в различных конкурсах (например, лучшее фото недели о стране), с соответствующими призами и наградами для участников. Кроме того, во время таких мероприятий секретные службы страны вербовали в свои ряды перспективных молодых людей, в том числе для того, чтобы не оказаться с ними позднее по разные стороны баррикад.

Не осталась без внимания со стороны министерства образования и работа с кадровым составом учителей. Все преподаватели, замеченные в сомнительных наставлениях учащимся, вначале вызывались на собеседование, а в случае продолжения своей линии отстранялись от работы. Министерство внутренних дел активно проводило в жизнь линию на гуманизацию тюремной системы. Было построено пять новых тюрем, ориентированных на реабилитационную работу с заключенными, осужденными по экстремистским статьям. В пропагандистских мероприятиях упор делался на подчеркнутое единство общества и сил безопасности, а также на предупреждение граждан о том, что экстремисты заботятся не о благе страны и народа, а пытаются достичь своих личных целей. Последнее сопровождалось распространением фотографий с мест террористических атак и интервью с выжившими жертвами.

Социальная реабилитация. Меры по социальной реабилитации и реинтеграции участников экстремистских групп основываются на их религиозном и психологическом патронаже. Целью мероприятий является вывод их из активной антиправительственной деятельности (демобилизация) и дерадикализация. Соответственно, эта часть программы PRAC предназначена для лиц, осужденных за экстремистские правонарушения. Этим лицам предлагается добровольно присоединиться к программе реабилитации и в обмен на это законом гарантируется возможность получения ряда льгот, в том числе досрочного освобождения. Программа построена на предположении, что осужденные стали экстремистами из лучших побуждений, наиболее типичным из которых является желание быть более набожным, но были направлены экстремистами по ложному пути обретения единения со Всевышним. Координирует работу с осужденными специально созданный Совещательный комитет при министерстве внутренних дел, в который входят не только сотрудники службы безопасности, но и известные ученые, теологи, психологи, социологи, врачи и т. д. Однозначной находкой саудитов в этом процессе являются методы «семейной терапии».

Эксперты США очень негативно отзываюся об этичности применения таких мер, но вместе с тем признают, что во многом низкий уровень рецидивности программы «PRAC» обеспечивается именно этим методом. Фактически он сводится к использованию членов семьи осужденного в качестве заложников успешности процесса его реабилитации. Формально все выглядит вполне невинно — на время срока заключения семье предлагается материальное содержание в размере дохода семьи до ареста экстремиста и предлагается членам семьи всячески способствовать «неформальному воспитанию оступившегося». За рамками официальной истории остаются факты сомнительных (если не сказать сильнее) методов воздействия на семью в случае подозрений на экстремистский рецидив реабилитируемого после освобождения. Тем не менее, выстроенная модель «кнута и пряника»

ка» приносит положительный результат — никто еще в мире не добился снижения уровня рецидивности до 1–2%.

Социальная реабилитация начинается в местах заключения, где с осужденным помимо прочих работают психологи и уважаемые в обществе теологи-имамы. Имам обеспечивает патронаж как осужденного, так и его семьи, и не заканчивает свою работу с освобождением бывшего экстремиста на свободу, а продолжает «курировать» его и далее. Интересным фактом из статистики реабилитируемых является то, что треть из осужденных до этого получили опыт боевых действий за границей; при этом упоминается и Чеченская Республика, как одно из мест «стажировки». Переход осужденного на следующий этап — забота об оступившихся — случается после положительного заключения членов Совещательного комитета и сдачи осужденным формального экзамена. Следующий этап означает для бывшего экстремиста возможность досрочного освобождения и перевод в более комфортные условия содержания (но еще не освобождение).

Целью этапа *заботы об оступившихся* является подготовка бывшего экстремиста к нормальной (послетюремной) жизни и воспитание в нем стойкого неприятия своего прошлого экстремистского окружения. Под эту же программу попадают возвращенные в Саудовскую Аравию узники Гуантанамо. К мерам «заботы об оступившихся» относится содержание осужденных по «экстремистским статьям» в специально построенных заведениях, где предлагаются более комфортные режимные условия и проживание в кампусе-общежитии, максимально приближенное по обстановке к нормальным домашним условиям. Это место содержания называется «на полпути домой». Применяемые методы групповой терапии подразумевают не только совместное решение бытовых вопросов, но и командные спортивные игры и т. п. Из интересных находок следует отметить художественные упражнения. Уроки рисования не только сами по себе являются прекрасным «заместителем», но и играют важную религиозную воспитательную роль — у исламских фундаменталистов существует табу на художественное воспроизведение себе подобных, так что, вовлекая оступившихся в эти занятия, закрепляется и воспитательный эффект предыдущих этапов. При переводе на базу «на полпути» оступившиеся информируются о дате освобождения, и если по каким-то причинам Комитет решит его отложить, то осужденному дается право на компенсацию задержки (около 270 долл. в день). После освобождения власти оказывают бывшим экстремистам помощь в трудоустройстве (как в государственные структуры, так и в частный сектор), а если процесс возврата к нормальной жизни и нормальным религиозным взглядам проходит особенно успешно, то реинтегрируемым могут быть выданы за государственный счет даже машина и квартира.

Анализируя информацию о программе «PRAC», в первую очередь бросается в глаза ее односторонняя направленность. В ней, безусловно, присутствуют элементы *проактивных* действий, но ориентирована она в первую очередь (а может и исключительно) на воздействие на субъектов — носителей экстремистских воззрений. Парадигма такого подхода хорошо описывается известной сталинской фразой «нет человека — нет проблемы», а посему для достижения требуемого результата необходимо просто такой субъект «нейтрализовать». Другое дело, что делается это вполне современными методами. Одним из принципов, который был положен в основу программы «PRAC», и международные эксперты подтверждают его действенность, — понимание того, что иметь радикальные взгляды не всегда плохо, а вот добиваться этого насильственными методами — позиция, требующая категорического неприятия всеми имеющимися у государства и общества средствами.

Опыт Сингапура в области противостояния радикальному исламскому экстремизму заслуживает внимания по причине широкой вовлеченности в процесс граж-

данского общества и местных исламских организаций¹. Фактически, именно на умеренных исламских теологах лежит основной груз идеологического противостояния с радикалами, что не только снимает дополнительную нагрузку с государственных органов, но и, что даже важнее, — способствует межконфессиональному единству граждан Сингапура. Фундаменталисты при таком подходе ассоциируются не со всеми, кто исповедует ислам, а лишь с некими радикально-философскими перверсиями, которые возможны в любых религиях. Государственная политика Сингапура всячески поощряет проявления умеренного ислама — в стране действует Исламский религиозный совет Сингапура, наделенный законодательством существенными полномочиями по внутри- и межконфессиональным вопросам. Под его эгидой даже действует суд шариата, наделенный государством правом решать, например, вопросы заключения браков и разводов мусульман страны.

Интересен и опыт Сингапура по задействию в противостоянии экстремизму возможностей современных информационных технологий, в частности социальных сетей. Технологии web 2.0 не только существенно снижают расходы на создание и агрегацию информации (за счет использования контента, генерируемого пользователями), но и позволяют эффективно адресовать идеи толерантности молодежи (активно использующей блогосферу), которая особенно подвержена риску заражения «вирусом радикального фундаментализма».

Результаты работы «Рабочей группы Вашингтонского института изучения мира на Ближнем Востоке» представлены в виде рекомендаций для администрации президента Обамы. Эти рекомендации разделены на три группы — стратегические, функциональные и структурные, и большинство из них могут быть применены в Российской Федерации. Кратко суммируя стратегические рекомендации экспертов, можно сказать, что они сводятся к совету вывести США из состояния прямой борьбы с исламским радикализмом и переориентировать основное направление работы на поддержку местных сил, выступающих против него.

В заключение стоит отметить, что в развитых странах Западной Европы также существуют программы противодействия политическому экстремизму, но они полностью интегрированы в общегосударственные меры обеспечения правопорядка. Так, в ФРГ эти обязанности возложены на Федеральное бюро по защите Конституции (BfV), со штаб-квартирой в Кельне. По факту, Бюро — спецслужба, ведущая, в том числе, агентурную деятельность в среде экстремистских организаций. Результаты работы Бюро направляет по подведомственности в Министерство юстиции или в Министерство внутренних дел ФРГ. Бюро выпускает специальный бюллетень, в котором ежегодно публикуются сведения об экстремистских организациях и их акциях².

Находкой программы противодействия экстремизму в Великобритании можно считать использование фонда Quilliam, где идеологическое противостояние исламскому радикальному фундаментализму ведут бывшие, а ныне раскаявшиеся экстремисты. Доказательством эффективности его деятельности можно считать внушительные гранты, направляемые Фонду правительством Великобритании.

Вирус экстремизма и его дезавуация

Есть прямая аналогия между вирусами СПИДа и экстремизмом. В организме человека от 5 до 7 кг вредных бактерий, но пока иммунная система в порядке, они находятся на периферии его функционирования. ВИЧ, поражая иммунитет организма,

¹ Интернет-сайт Сингапурской Religious Rehabilitation Group (RRG) 2008 [Electronic resource]. URL: http://www.rrg.sg/subindex.asp?id=A033_07. (дата обращения: 26.12.14).

² Интернет-сайт Федерального Бюро по защите Конституции ФРГ [Electronic resource]. URL: <http://www.verfassungsschutz.de/de/index.html> (дата обращения: 26.12.14).

дает возможность осуществить его захват инфекционными бактериями. Таким же образом развивается этнополитический экстремизм. Его ферменты присутствуют в любом современном обществе. Но если сохраняется духовно-нравственное единство общества, если институты государства нормально функционируют, вирус экстремизма находится на периферии социума, но, как только происходит распад общественной морали, деградация политических институтов, экстремизм пожирает его. Печальной демонстрацией этого является гражданская война на Украине, развернувшаяся вслед за распадом государственных институтов.

Свежим примером группового экстремизма стали массовые протестные акции в Фергусоне, вызванные оправданием американской Фемидой действий полицейского, застрелившего двенадцатилетнего подростка. В ходе следственного эксперимента доказано, что полицейский действовал в соответствии с законом. Но люмпены, чинившие массовые погромы, прикрываясь гражданскими правами и свободой, поднялись за свою маргинальную субкультуру, в рамках которой им все должно, за свое право безнаказанно грабить ларьки. В их в представлении полицейский, противодействующий беспределу — воплощение зла.

Жизнь так устроена, что основную тяжесть ответственности за поведение подрастающего поколения должны нести взрослые. Л. Н. Толстой утверждал, что самым совершенным существом на нашей планете является ребенок, поскольку в нем наиболее гармонично представлены три субстанции, определяющие существо человека: истина, добро и красота. Ребенок называет вещи своими именами (даже если и обманывает, то делает это не системно), с почтением относится к друзьям и людям старшего возраста, обладает нежным, гармоничным телом. Поэтому подлинное, развитое зло может быть вызвано лишь значительным (растянутым во времени) рассогласованием между истиной, добром и красотой, а значит, его носителем может быть относительно взрослый человек.

Наконец, сегодня, когда в обществе развернулась широкая дискуссия о причинах и последствиях глобализации, вспоминается один парадокс, который свидетельствует о том, что как раз идеальными глобалистами являются дети от двух до пяти лет. В этом возрасте они могут усвоить несколько иностранных языков и несколько культур. И это прекрасно!

Логика противодействия экстремизму — есть логика обретения позитивного смысла. Ведь корни молодежного насилия — в скуке, в отсутствии интереса к жизни. Не найдя достойную духовную цель в жизни, молодые люди либо скатываются на путь преступления, либо становятся «творцами и героями» собственной наркоидеи. В силу своего возраста значительная часть молодежи склонна к опрометчивым, немотивированным действиям. На языке современной философии это явление именуется трансгрессией (термин введен французским философом Ж. Батаем [2]). Известно, что первая французская книга, посвященная графологическому анализу почитаемых святых, вызвала настоящий скандал. Оказалось, что если бы эти выдающиеся личности, которым поклоняются как святым, не посвятили себя религии, все они стали бы или знаменитыми преступниками, если речь идет о мужчинах, или знаменитыми проститутками, если речь идет о женщинах. Наверняка это относится не только к святым. Нужно влюбиться в достойную общественно-значимую идею, жениться на ней, или выйти замуж за нее, и жить с ней до тех пор, пока не найдешь ей замену — другую, более привлекательную и значимую.

Обобщая сказанное, отметим, что экстремизм еще, видимо, надолго останется мобилизующей силой для населения полиэтнических и полирелигиозных сообществ, пока не будет достигнуто такое материальное благосостояние и такой политический строй, которые позволят без истерики делиться властью и ресурсами с «иноязычными», не утвердится демократия. Это произойдет тогда, когда гражданин получит возможность обладать достоянием, которое он будет ценить

выше групповой идентичности, с ее облегченной жертвенностью и минимальной личной ответственностью.

Для преодоления вражды и недоверия, выраженных в ироничной фразе «Все люди братья, но не все по разуму», мы должны не только согласиться с определенной утратой идентичности, но и научиться жить в калейдоскопе идентичностей.

Литература

1. Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Человек. № 9, 1997.
2. Батай Ж. Литература и зло. М. : МГУ, 1994.
3. Концен П. Фанатизм: психоанализ этого ужасного явления / пер. с нем. С. С. Димитрова ; науч. ред. А. И. Кугая. Харьков : Гуманитарный центр, 2011.
4. Кугай А. И. Абсурд зла в формате иронии. Харьков : Гуманитарный центр, 2011.
5. Кугай А. И. Пространство репрессивной логократии // Управленческое консультирование 2013, № 1. С. 132–137.
6. Кьеркегор С. Несчастнейший. М. : Библийско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 2002.
7. Платонов А. П. Чевенгур / илл. С. Филипповой. СПб. : Вита Нова, 2008.
8. Славой Ж. О насилии. М. : Европа, 2010.
9. Hayward Steven F. Extremism and moderation // Claremont Review of Books. Summer, 2014. Vol. 14. Issue 3. P. 17. 5 p.
10. Southers Erroll G. Homegrown Violent Extremism, Amsterdam, Netherlands: Elsevier, 2013.

References

1. Berdyaev N. A. *On fanaticism, orthodoxy and truth* [O fanatizme, ortodoksii i istine] // Person [Chelovek]. N 9, 1997.
2. Bataille G. *Literature and evil* [Literatura i zlo]. M. : MSU [MGU], 1994.
3. Conzen P. *Fanaticism: psychoanalysis of this awful phenomenon* [Fanatizm: psikhoanaliz etogo uzhasnogo yavleniya] / translation from German S. S. Dimitrov; science edition: A. I. Kugay. Kharkov : Humanitarian center [Gumanitarnyi tsentr], 2011.
4. Kugay A. I. *Absurd of the evil in an irony format* [Absurd zla v formate ironii]. Kharkov : Humanitarian center [Gumanitarnyi tsentr], 2011.
5. Kugay A. I. *Space of a Repressive Logocracy* [Prostranstvo repressivnoi logokratii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 1. P. 132–137.
6. Kierkegaard S. *Most unhappy* [Neschastneishii]. M. : Bible and Theological Institute of the St. Apostle Andrey [Bibleisko-Bogoslovskii Institut sv. apostola Andrey], 2002.
7. Platonov A. P. *Chevengur* [Chevengur] / Ill. of S. Filippova. SPb. : Vita Nova, 2008.
8. Slavoj Z. *About violence* [O nasilii]. Publishing house "Europe" [Evropa], 2010.
9. Hayward Steven F. *Extremism and moderation* // Claremont Review of Books. Summer, 2014. Vol. 14. Issue 3. P. 17, 5 p.
10. Southers Erroll G. *Homegrown Violent Extremism*. Amsterdam, Netherlands : Elsevier, 2013.